

Му Цинфэн повернулся к Чжоу Пину:

— Чжоу-дядюшка, иди приготовь суп от похмелья.

Затем он обернулся к Фан Цинчи:

— Брат Фан, я думаю так: пусть брат Гу отдохнёт у меня, как проспится, я сам отправлю его домой.

Фан Цинчи ответил:

— Не стоит беспокоить Чжоу-дядюшку. Шаобай знает свою меру, перед приходом он наказал мне отвезти его обратно.

Услышав это, Му Цинфэн слегка заколебался и снова заговорил:

— Весенний холод ещё не отступил, не стоит, чтобы он простудился...

Фан Цинчи улыбнулся:

— Вот и говорится, что Шаобай молод годами, но думает обо всём. Карета Дома Гу уже ждёт у ворот, он не простудится.

Он подошёл, протянув руку, чтобы помочь Гу Шаобаю:

— Мы ценим доброту Чжоу-дядюшки, я сейчас же увезу его домой.

После таких слов у Му Цинфэна не осталось причин удерживать гостей. Он стиснул зубы: этот Гу Шаобай, всего два шага до дома, а он приехал на карете. Однако, нельзя не признать, что человек, который сейчас лежал у него на руках, был невероятно красив. Его чёрные, как вороново крыло, ресницы прикрывали веки, дыхание было слегка прерывистым, а уши покраснели от опьянения. Если бы не присутствие Фан Цинчи, он бы с удовольствием укусил этот красный кончик уха!

Карета медленно удалялась по каменной дороге, а Му Цинфэн задумчиво произнёс:

— Чжоу-дядюшка, мне кажется, что у Гу Шаобая на каждом шагу свои хитрости!

Чжоу Пин, глядя на высокий профиль Му Цинфэна и его выражение лица, полное тоски, сожаления и колебаний, подумал, что такие эмоции на лице его хозяина, который никогда не колебался в своих решениях, были слишком непривычными.

В этот момент ему протянули свиток:

— Князь, это оставил господин Фан. Он сказал, что это подарок господина Гу в ответ.

Му Цинфэн с лёгкой улыбкой развернул свиток, думая про себя, что, несмотря на мастерство Гу Шаобая в живописи, это, вероятно, всего лишь пейзаж или цветы. Однако, когда он раскрыл свиток, его лицо выразило крайнее удивление.

На картине была изображена лягушка, сидящая в траве. Её короткие лапки и большие выпуклые глаза выглядели забавно, а широко раскрытый рот напоминал дольку арбуза. Глуповатое, но милое создание!

— Это лягушка?

Чжоу Пин внимательно посмотрел и сказал:

— Князь, это, кажется, не лягушка, а жаба.

— А?

Чжоу Пин указал на спину животного:

— Князь, посмотрите, на спине у неё бугорки. Это точно жаба.

Му Цинфэн кивнул, глядя на изображение жабы. Он подумал, что Гу Шаобай действительно заслужил свою славу в Цзинлине. Его талант в живописи был невероятным. Жаба была изображена так живо, что казалось, она вот-вот прыгнет с бумаги. Её широко раскрытый рот словно улыбался ему. Неужели это был знак расположения?

Чем дольше он смотрел, тем лучше становилось его настроение.

— О, жаба... он нарисовал жабу для меня...

Заметив, что Чжоу Пин хочет что-то сказать, Му Цинфэн повернулся:

— Чжоу-дядюшка, говори, что у тебя на уме.

Чжоу Пин колебался, но наконец произнёс:

— Князь, в народе есть поговорка...

Му Цинфэн, не отрывая взгляда от картины, равнодушно спросил:

— Какая поговорка?

— Жаба на ногу полезла — не укусит, а тошнит сделает!

Му Цинфэн резко повернулся, его взгляд стал ледяным, словно он готов был разрезать Чжоу Пина на куски. Чжоу Пин опустил голову, подумав про себя: «Я же не хотел говорить, ты сам заставил, не вини меня!»

Только что расцветший в сердце Му Цинфэна цветок мгновенно завял от мороза. Улыбка на его лице превратилась в насмешку. Тем не менее, он аккуратно свернул свиток, завязал его и передал Чжоу Пину:

— Убери это.

Чжоу Пин взял свиток, глядя на спокойное лицо Му Цинфэна, и убедился, что услышал именно «убери», а не «сожги». Он облегчённо вздохнул и поспешил найти шкатулку.

Му Цинфэн потер пальцы, на которых всё ещё оставалось тепло от прикосновения к Гу Шаобаю. Он тихо рассмеялся и прошептал:

— Гу Шаобай, ты у меня ещё попляшешь...

А тот, о ком он думал, проспал до самого утра. Лишь к девятому часу Гу Шаобай, с

растрёпанными волосами, наконец выполз из постели.

Это время было чуть раньше, чем он обычно вставал. В комнате царила тишина.

Цююэ и Миньюэ не было в комнате. У третьего сына семьи Гу всегда был тяжёлый характер по утрам, поэтому, пока его не позовут, они не осмеливались войти. Кто посмеет разбудить молодого господина? Последствия будут ужасными!

После ночи пьянства Гу Шаобай ничего не ел и проснулся от голода.

Он оделся, умылся холодной водой из таза и вышел из комнаты. В это время все в доме уже позавтракали, и он решил заглянуть на кухню, чтобы найти что-нибудь перекусить.

Проходя мимо переднего двора, он заметил нескольких служащих у входа в зал собраний и вспомнил, что сегодня снова утреннее собрание.

Гу Шаобай постоял у двери, слушая. Как обычно, управляющие докладывали о доходах и обсуждали рыночные тенденции, но собрание уже подходило к концу. Когда все вышли, он вошёл внутрь.

Войдя, он сначала поприветствовал Гу Цзюньсюаня и двух своих дядей. Затем сел на нижнее место и слушал, как они перешли к обсуждению Князя И.

Гу Кансюань сказал:

— Князь И закрыл свои двери для всех императорских купцов в Цзинлине, не оказывая никому предпочтения. Брат, не слишком ли ты беспокоишься?

Гу Цзинсюань добавил:

— К тому же, у нас хорошие отношения с министром Ван. Даже если учесть все эти годы обмена подарками, он вряд ли станет нам вредить.

Гу Цзюньсюань молчал, словно что-то его беспокоило.

Гу Шаобай слушал и внутренне нервничал. Его отец хотел постепенно сократить сделки с чиновниками, но два его дяди упорно сопротивлялись. Они видели только славу и прибыль, которые приносило звание императорского купца, но не задумывались о том, что Князь Юй уже пал, а Князь И давно таил злобу. Если они не отступят, это будет путь к гибели!

Думая об этом, Гу Шаобай сказал:

— Дяди, всем известно, что наша семья была близка с Князем Юй. Теперь, когда его время прошло, а Князь И у власти, стоит вспомнить старую поговорку: «Лучше заранее подготовиться к непогоде, чем копать колодец, когда уже мучает жажда». Князь И давно испытывал неприязнь к Князю Юй, и он может перенести эту неприязнь на нашу семью. Лучше отступить и избежать конфликта, чтобы сохранить себя. Кроме того, быть рядом с императором — это как быть рядом с тигром. Торговля с императорским двором не так проста. Хотя наша семья процветала все эти годы, мы не видим и не можем представить, что скрывается за этим. Возможно, это лишь предвестник грядущей бури!

После этих слов все трое управляющих семьи Гу были шокированы. Однако Гу Цзинсюань быстро ответил:

— Шаобай, не преувеличивай. Как «дело о фальшивых лекарствах» связано с нашей семьёй? Если Князь И хочет кого-то ненавидеть, это не мы.

Гу Кансюань поддержал:

— Да, Князь И у власти уже некоторое время, и никаких признаков проблем нет. Если бы он хотел нас уничтожить, он бы уже сделал это... Это ведь проще, чем раздавить муравья?

Они говорили одно и то же: они категорически против сокращения сделок с императорским двором.

Гу Шаобай слушал и всё больше злился. Как же они не могут понять? Он, Гу Шаобай, прошёл через смерть и возрождение, и даже без него эти дяди приведут семью к гибели.

Не сдержавшись, он выпалил:

— Если вы так дорожите званием императорского купца, давайте просто разделим семью!

Эти слова шокировали не только Гу Цзинсюаня и Гу Кансюаня, но и Гу Цзюньсюаня. В зале воцарилась тишина.

Гу Цзинсюань был так потрясён, что чуть не потерял дар речи. Хотя он был вторым главой семьи Гу, его личное состояние уже было растрчено его непутёвым сыном Гу Ябаем и его наложницами. Несмотря на внешний лоск, он был уже пуст внутри и жил за счёт махинаций с общими счетами. Слова Гу Шаобая ударили по нему, как гром среди ясного неба, и он с притворным гневом обратился к Гу Цзюньсюаню:

— Брат, посмотри, что за сына ты воспитал! Еще ничего не случилось, а он уже предлагает разделить семью. Если с семьёй Гу что-то случится, кто знает, что будет дальше...

<http://bllate.org/book/16730/1538560>